

Сюй Чжаньцзян 1998 — Сюй Чжаньцзян. Хулунбэйэр люю [Путешествие в Хулунбуир]. Хайлар, 1998.

Тан Гэ 2008 — Тан Гэ. Аргунь: история взаимодействия этнических групп и неравномерность развития русской и китайской культур на примере деревни Янцунь // Нэймэнгу элосы миньцзу яныцзюхуэй хуэйкань [Официальный бюллетень Общества по исследованию русской национальности в АРВМ] / Эргуна (Аргунь). 2009. Ноябрь. № 2. С. 31—41.

Тарасов 2003 — Тарасов А. П. Забайкалье и Китай. Опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

Тарасов 2005 — Тарасов А. П. Русские в приграничном Китае // Восток (Oriens). 2005. № 4.

Тарасов, Янков 2012 — Тарасов А. П., Янков А. Г. Русские Трехречья: история и идентичность. Чита, 2012.

Храмы Китайской Автономной Православной Церкви // Сайт «Православие. Ru». URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41612.htm> (дата обращения: 21.01.14).

Чжан Сяобин 2008 — Чжан Сяобин. Выступление на церемонии открытия научного семинара по экономическому и культурному развитию русской национальной общины в АРВМ // Нэймэнгу элосы миньцзу яныцзюхуэй хуэйкань [Официальный бюллетень Общества по исследованию русской национальности в АРВМ] / Эргуна (Аргунь). 2009. Ноябрь. № 2. С. 5—6.

Эрдынжап 2008 — Эрдынжап. Рассуждения о нашей русской национальности // Нэймэнгу элосы миньцзу яныцзюхуэй хуэйкань [Официальный бюллетень Общества по исследованию русской национальности в АРВМ] / Эргуна (Аргунь). 2009. Ноябрь. № 2. С. 13—15.

Summary. The research is based on the materials provided by the Enhe county government and the Society for studies of Russian nationality in the Autonomous Region of Inner Mongolia. The said data are presented in Russia for the first time. The article addresses the social and historical mechanisms that contributed to the formation of the Russian national community in that region of China as well as the impact of the Chinese national cultural policy. Their ethnicity is determined by their common history and culture. The major factor of self-identification as Russians being painful memories of the repressions in the period of the Cultural revolution.

Key words: Russian county Enhe, identity, ethnicity, socio historical mechanism.

УДК 39
ББК 63.5

Ю. В. АРГУДЯЕВА
(Владивосток)

ЖИЛИЩЕ РУССКИХ КАЗАКОВ В ТРЕХРЕЧЬЕ¹

Аннотация. В статье рассматриваются различные типы традиционного жилища русских казаков Трехречья в 1930—1940-х гг. Характеризуются материалы изготовления, способы строительства, конструктивные особенности, основные черты интерьера жилых помещений.

Ключевые слова: русские, казаки, Трехречье, традиционное жилище, интерьер.

Жилище — один из наиболее существенных элементов культуры. Оно удовлетворяет самые необходимые потребности человека, занимает важнейшее место в системе жизнедеятельности любого этноса. Жилище представляет собой сложный культурный комплекс, объединяющий жилые и частично хозяйствственные помещения, выполняющие различного рода функции — жилые, хозяйствственно-бытовые, религиозно-обрядовые, эмоционально-эстетические, символические. Представляя собой сравнительно устойчивый компонент материальной культуры, жилище используется в бытовой жизни нескольких поколений людей и длительно сохраняет традиции, формировавшиеся в различные исторические периоды. Это и древние традиции, восходящие к ранним историческим эпохам, и новации, которые при условии длительного существования становятся традициями. Являясь сущностным явлением культуры каждого этноса, этническая традиция в жилище может принадлежать не только одному этносу, но и его части или группе родственных этносов. Более того, под влиянием сходных экологических условий жизни нередко возникает общая или региональная культурная традиция

¹ Работа выполнена в рамках проекта Дальневосточного федерального университета «История этнокультурного развития и социокультурного взаимодействия народов Азиатско-Тихоокеанского региона». Код проекта 14-08-05-36_и.

у разных групп народов, не всегда родственных друг с другом и даже не всегда проживающих на смежных территориях.

Традиционные особенности жилища отражают историю, социальные и культурные взаимоотношения народов и локальных этнических групп, их социальную и этническую специфику. Его развитие и формирование определяется многообразными факторами: природно-географическими условиями, историческим процессом, уровнем развития общества, направлением хозяйственной деятельности человека, имущественными различиями, формой и составом семьи, особенностями семейного и общественного быта, религией и верованиями, обычаями и обрядами и др. Поэтому жилой комплекс рассматривается этнографами как важнейший исторический источник для изучения проблем этнической и этнокультурной истории народов и их локальных образований, историко-культурных связей и этнических процессов.

В этом отношении немалый интерес представляет характеристика жилого комплекса русских казаков, ушедших в разные периоды конца XIX — 30-х гг. XX в. из Забайкалья на сопредельную территорию Северо-Западной Маньчжурии — в Трехречье.

Источником для написания представленной статьи послужили материалы группы японских исследователей во главе с сотрудником Общего отдела Департамента Китайской восточной железной дороги (КВЖД) Отаки Эйдо. Дважды — с конца октября по начало ноября 1940 г. (19 дней) и с середины до конца февраля 1941 г. (10 дней) — они изучали жилища и усадьбы русских казаков поселка Верх-Кули, расположенного в безлесной местности, на холмах, в 140 км от центра округа — г. Хайлара, в так называемом Трехречье [Жилище и жизнь русских 1943]. Выбор зимнего периода для исследования не случаен и обусловлен плохими дорогами, раскинувшими от дождей в летнее время. Отметим, что японцы называли казаков крестьянами. Очевидно, для них, как и в Японии, все сельские жители были крестьянами. Вместе с тем в своей публикации по изучению населения п. Верх-Кули они упоминают о системе управления поселком и роли в этом

процессе атамана, информацию которого о развитии исследуемого поселения они прослушали с большим вниманием [Там же, 17–18].

Трехречье (по китайски Саньхэ-цзюй) — территория бассейнов притоков р. Аргуни — Гана, Дербула и Хаула, занимающая площадь примерно в 11 500 кв. км в северной части Автономного района Внутренняя Монголия в Маньчжурии (Китай). По Нерчинскому договору 1689 г. этот район территории принадлежал Китаю, но уже с конца XVIII в. он начал заселяться забайкальскими казаками, пришедшими с берегов пограничной с Китаем р. Аргунь. С согласия местных властей они обустраивали заимки, строили зимовья, разводили скот и косили сено. В период Октябрьской революции, Гражданской войны, коллективизации в России сюда пришли, нередко вместе с семьями, тысячи русских людей, преимущественно казаков, и основали 19 русских поселений. Казаки практически обустроили некогда пустынный край и обеспечили себе достойный уровень жизни. Военные события 1945 г. положили конец благополучию русского Трехречья, большинство населения которого было депатриировано в 1954—1956 гг. на целинные земли СССР, но некоторые выехали в Австралию, Бразилию и другие страны. В настоящее время исконно русского населения в Трехречье практически нет, остались лишь дети от смешанных русско-китайских браков.

Японские исследования маньчжурских земель осуществлялись в период создания на этой территории государства Маньчжоу-Го после захвата Японией Маньчжурии в 1930-е гг. Политика территориальной экспансии Японии в Северном Китае предусматривала создание на территории Маньчжурии, с одной стороны, сырьевой и продовольственной базы, с другой — военного плацдарма для дальнейшего продвижения японских войск в южную часть Китая и на север — в Советский Союз. Одним из мероприятий по осуществлению этого плана было переселение сотен семей японских крестьян на маньчжурские земли. Однако суровый климат Маньчжурии и в целом непривычные условия жизни создавали многочисленные трудности в адаптации к принимающему

региону и успешной жизнедеятельности японских крестьян, у которых не было необходимого опыта в приспособлении к новым условиям жизни, но, как оказалось, такой опыт был у русских крестьян и казаков, сравнительно недавно переселившихся в северо-западную и северо-восточную части Маньчжурии. Поэтому японские исследователи стали до скончания изучать жизнь и быт русских крестьян-старообрядцев маньчжурской деревни Романовки [Аргудяева 2008, Накамура 1992] и жизнедеятельность забайкальских казаков в Трехречье [Аргудяева 2012, Игауз 2010]. Определенные исторические сведения о жизни русских казаков в Трехречье мы почерпнули из материалов некоторых русских репатриантов [Кайгародов 1970 и др.]. Но наиболее существенный материал по жилищному комплексу русских поселенцев на рассматриваемой территории в плане сохранения и изменения фольклорных традиций мы нашли в публикации В. Л. Кляуса [Кляус 2011].

В настоящей статье мы пытаемся осуществить предварительное знакомство российского читателя с исследованием жилищного комплекса русских казаков Трехречья группой японских исследователей, которое еще не опубликовано в России. Это важнейший и уникальный источник, значение которого для современных исследователей еще предстоит оценить. Главное — он составлен на материалах, увиденных и изученных очевидцами, причем представителями иной культуры, которым пришлось оценить все, на их взгляд, положительные и отрицательные стороны жизни казаков-трехреченцев. Отметим, что описание усадьбы и собственно жилища предваряет краткое сообщение о появлении и жизни казаков в Трехречье до начала 1940-х гг., строительства и развития поселения Верх-Кули. Кратко описываются жизнедеятельность населения п. Верх-Кули и основные составляющие его хозяйственной деятельности, материального и семейного быта: развитие земледелия и скотоводства; продолжительность трудового дня; половозрастное деление труда; календарь сельскохозяйственных работ с перечнем высеваемых культур; повседневная и праздничная одежда мужчин и женщин; ежедневный пищевой рацион казачьей семьи в зим-

ний период и др. Затем характеризуются разные типы жилищ и их интерьеров — от самых примитивных и беднейших до солидных и основательных, целиком построенных в севернорусских традициях, принесенных казаками из Забайкалья. В заключительной части работы приводятся примеры описания казачьих семей п. Верх-Кули, различающихся по количеству, составу и структуре, размеру земельного надела (пахотного и сенокосного) и скота, особенностям усадьбы с описанием конструктивных составляющих и планом жилища, интерьера, с иллюстрацией (фото и рисунки) разных (по сторонам света) сторон жилища и хозяйственных построек².

Рамки статьи не позволяют нам полностью осветить различные типы жилищ и тесно связанных с ними усадебных комплексов казаков Трехречья на примере п. Верх-Кули. Но и этот материал дает определенное представление об этой важнейшей части материальной культуры. При этом мы будем опираться только на данные японских авторов, не сравнивая описания казачьего жилого комплекса на российском берегу Аргуни.

Судя по сообщениям японских исследователей, п. Верх-Кули развивался постепенно и к началу 1940-х гг. там жило около 200 семей.

Каждая семья имела свой дом и усадьбу, пашенные и сенокосные угодья располагались за деревней. В усадьбу вели главные ворота высотой примерно 3 м. В течение дня их держали распахнутыми и использовали не только как вход/выход, но и для загона скота. Некоторые двери ворот изготавливали из толстых досок с перекладиной (перемычкой), но большинство имело простую конструкцию; дверь крепилась на десятисантиметровое бревно. Через него пропускалось несколько семи-восьмисантиметровых бревен, которые связывались с воротным столбом проволокой, металлическим стержнем, ивой корой или корой тополя Максимовича; гвозди при строительстве ворот не применялись. По аналогии с конструкцией ворот устраивали маленькие ворота (калитку. — Ю. А.) для входа и выхода людей [Жилище и жизнь русских 1943, 38].

² Все представленные в статье рисунки приводятся по работе [Жилище и жизнь русских 1943].

Помимо жилого помещения усадьба включала помещения для сельскохозяйственных принадлежностей, зерновой амбар, сараи для мелкого скота и свиней, конюшню, загоны для крупного скота, сеновал и другие хозяйствственные постройки; часть площади была отведена под огород. Вся усадьба, загоны, сараи и другие хозяйственные помещения огораживались различными заборами. Бревенчатую изгородь для загонов изготавливали следующим образом: бревна клади горизонтально между двух березовых бревен, скрепляя корой тополя или проволокой. Иногда такую изгородь оплетали прутьями бересклета или тополя Максимовича.

Часто на домах можно было увидеть таблички с номером и именем, написанным по-русски и японской азбукой (рис. 49а).

Поселок Верх-Кули, расположенный, как уже отмечалось, в безлесной местности, начал строиться, судя по сообщению местного атамана, примерно в 1918 г. К этому времени в Трехречье обосновалось немало казачьих семей, которые надеялись, что их пребывание на этой земле временное и как только закончатся беспорядки в России, они смогут вернуться в родные места. Поэтому многие из них строили временные жилища в виде землянок. Но время шло, возвратиться на родину не удавалось, и постепенно переселенцы приступили к строительству капитального жилья. Для строительства капитальных жилищ казаки уезжали за бревнами за несколько десятков километров на хребет Хинган. За ними ездили в зимнее время года, привозя на санях, волоком, по два бревна за одну поездку на паре лошадей. По свидетельству японских исследователей, для строительства жилищ казаки Трехречья в качестве материала использовали листвопадные деревья. Для крыши или для заборов широко применяли древесину тополя Максимовича и бересклета.

Базовым направлением в защите от холода жилища русских людей, живущих в зоне Крайнего Севера, по мнению японских исследователей, являлось то, что внешние стены в качестве своего продолжения включали в себя также и фундамент, и потолок, тогда как крыша служила лишь только защитой от дождевой воды. Наиболее тщательно в этом плане работали над внешними стенами и потолком.

По свидетельству японцев, фундамент избы был довольно прост и представлял собой камни, уложенные по углам избы и вдоль внешних стен на приемлемом друг от друга расстоянии. На камни фундамента устанавливали короткие, в 10—20 см чурки — это были опоры для балок настила пола. Кроме того, у зажиточных казаков по периметру внешних стен были уложены плиты слоистой скальной породы, которые, как предполагалось, были вырезаны из близлежащих гор и укреплены бетоном; была сделана также бутобетонная кладка [Жилище и жизнь русских 1943, 58].

Стены большинства казачьих изб состояли из бревен, расположенных на камнях фундамента и соединенных по типу колодца; бревна в диаметре варьировали от 17—18 до 22 см. Их укладывали одно на другое с треугольным вырезом с одной стороны. В стены основной избы в нужных местах вставлялись деревянные шипы для скрепления бревен, кроме того, у относительно новых домов стены были обшиты горбылями или толстыми досками и скреплены болтами.

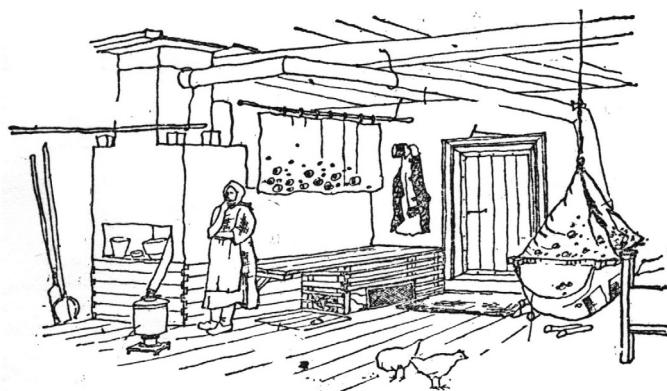

Рис. 49а. Однокомнатное (однокамерное) жилище казаков п. Верх-Кули (Трехречье)

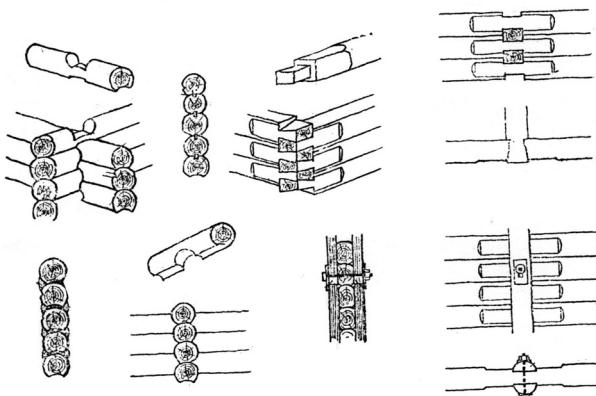

Рис. 59г. Способы углового соединения бревен в жилищах п. Верх-Кули (Трехречье)

Способы соединения бревен по углам были различными. Традиционно было скрепление углов «в обло», или «с остатком», т. е. с выступающими концами бревен. Это был древнейший способ скрепления углов, он сохранил свое преобладающее положение в деревянном строительстве восточных славян в течение более тысячи лет. Способ крепления углов «в лапу» появился в России позднее, в XVI в. [Традиционное жилище 1967, 93]. Этую славянскую терминологию японские исследователи не употребляли. Использовались также другие приемы соединения бревен по углам. Они обычно осуществлялись при помощи выреза бревен, причем бревна не были подпилены по длине для единства — и длинные, и короткие, и заостренные и круглой формы концы бревен торчали по краям, придавая зданиям грубый вид, но дома казаков более позднего строительства, как правило, имели уже более изощренный и экономичный тип угловых соединений, причем эта часть подстругивалась, а по обе стороны такого угла бревна были обиты досками, что выглядело довольно аккуратно (рис. 59г).

Пространства между бревнами обычно конопатили просущенным мхом, а в некоторых зажиточных домах для этих целей использовали также высушенные цветы кувшинок и старые пеньковые мешки.

Пазы бревен снаружи зданий тщательно замазывались глиной или лошадиным навозом. По мере старения здания

принимались всевозможные меры для защиты от холода: избы снаружи еще больше обмазывались глиной или навозом, белились известью, обшивались дранкой (обычно из веток ивы) и покрывались олифой. С внутренней стороны избы углубления между бревнами заштукатуривались глиной, тщательно выравнивались и белились известью. Снизу вокруг внешней части стен жилых помещений для зимнего периода помещался лошадиный навоз высотой в 50—60 см (завалинки. — Ю. А.), а во внутренней ча-

сти дома, с целью защиты от холода из-под пола, также делали из него насыпь. Лошадиный навоз на лето убирался, чтобы была вентиляция с пола, поэтому боковые крышки такой завалинки также устанавливали только на зимний период. У разных казачих изб встречались различные виды таких крышек (из небольших плах, досок, ивовых прутьев, камней и др). Внутренняя насыпь делалась на стадии строительства дома. Вентиляция под полом осуществляется посредством деревянных труб, вделанных в эту насыпь, а в зимнее время они закрывались извне и засыпались лошадиным навозом.

В очень бедных домах вместо деревянных стен использовали двойную стенку из ивняка горизонтального плетения, внутри которой набивалась земля для утепления, а внешняя часть обмазывалась глиной.

Потолки в п. Верх-Кули делали следующим образом: между внешними стенами или же между внешней стеной и внутренней, центральной (капитальной. — Ю. А.) перегородкой, которая была устроена так же, как и внешняя стена, перекидывали двадцатисантиметровые балки через каждые два или два с половиной метра, на которые стелили доски толщиной в 5—6 см по методу торцовочного соединения с пазом и накладкой, или оставляли промежуток между двумя соседними досками, который сверху закрывают другой доской. Сверху, уже на чердаке, для удержания тепла на доски насыпали около 20 см земли, которую

затем на 5—6 см покрывали конским на-возом. Эта земля полностью просыхала и становилась плотной, как будто утрамбованной. Чердак использовали как кла-довую, в которой хранили ненужные для конкретного сезона предметы [Жилище и жизнь русских 1943, 66—67].

Центральная перегородка по своей длине служила соединением для внешних стен. Японцы предполагали, что в плане конструкции она являлась необходимой, а возможно, что к одной комнате, таким образом, пристраивалась другая, но обязательно такая перегородка по своему устройству не отличалась от внешних стен. Для них был удивителен еще и тот факт, что в единственном дверном проеме перегородки порог возвышался на 30 см от поверхности пола. Поэтому детям приходилось взбираться на него, а затем спускаться, чтобы пройти в дверной проем. Другие перегородки в доме делались из вертикальных панелей (легких досок. — Ю. А.), покрытых белой или бледно-зеленой краской, а пространство над ними до потолка в 30—40 см оставалось пустым, как полагали исследователи, — для лучшей циркуляции воздуха. У входа, сделанного в перегородке между общей комнатой и спальней, помимо двери обязательно имелась штора. По мнению японцев, она была предназначена для того, чтобы из общей комнаты невозможно было заглянуть в спальню.

Для пола устанавливали бревенчатые опоры толщиной в 20 см через каждые полтора метра, по ним прокидывали балки из примерно таких же бревен, на которые настилали доски, достигавшие порой 5—6 см в толщину, или же вместо них клади другие бревна, расколотые на две части. Таким образом, пол получался относительно низким — от 30 до 60 см. Несмотря на то что пол был сделан из толстых досок, они были уложены всего лишь в один слой и иные меры для защиты от холода от земли не предпринимались. Такая защита обеспечивалась лишь за счет нижних деталей внешних стен. Температура под полом была самой низкой в доме. Внутри комнат пол покрывался коричневой краской.

Японские исследователи полагали, что, по всей вероятности по экономическим причинам, меры по защите жилья от холода прослеживались только в области внешних стен и потолка, тогда

как крыша должна была лишь защищать от дождя. Дома в начальный период их строительства, особенно землянки с боковым входом, но даже и другие жилища, совсем не имели крыши. В период обследования п. Верх-Кули еще сохранились дома бедных казаков, помещения для скота или бани, у которых не было крыши и для их утепления сверху насыпали толстый слой земли. Что касается основной части жилых строений, то практически у всех домов были двускатные крыши и лишь у общественных строений (школа, лавка и др.) — четырехскатные.

Практически у всех домов со скатом крыш, равным 45 градусам, вход был сделан со стороны, параллельной коньку дома, но были такие казачьи избы, в которых вход был сделан с торца, т. е. со стороны, перпендикулярной коньку, и для этого входа еще имелся пристрой с односкатной крышей. Среди однокамерных (однокомнатных) казачьих домов, к которым, по-видимому, предполагалось достроить вторую часть, также имелись жилища с входом со стороны торца.

Устройство крыши было довольно простым: бревна или балки толщиной в 14—15 см складывались «домиком», образуя стропильные «ноги», и прибивались гвоздями в местах соединений. К стропильным «ногам» с расстоянием между ними в два с половиной метра не ставили снизу никаких шестов или вертикальных подпорок. Для соединения их в некоторых домах с одной стороны прибивали расколотые надвое бревна, толщиной в 10 см, но и это использовалось не всегда. На эти стропильные «ноги» сверху, с промежутком от 80 см до 1 м 20 см, настилали другие круглые перекладины от 5 до 8 см в диаметре или же перекладины, расколотые на две или на четыре части. Затем на них настилали кровельную дранку.

В п. Верх-Кули крыши старались покрывать так же, как и в Забайкалье, — используя расколотую древесину. Кровельная доска изготавливалась следующим образом: тщательно просушенные сосновые бревна нарезали на куски длиной от 1 м 50 см до 2 м, шириной примерно 20 см. Затем при помощи клиновидного инструмента вначале раскалывали бревно на три части, а затем, при помощи крюка, вбиваемого молотком,

разделяли эти части на толщину в 2–3 см, отделяли одну доску за другой. Такой кровельной доской покрывали крышу избы так, чтобы одна доска закрывала сверху промежуток между двумя нижними досками — чтобы укрыть дом от дождя. Правда, в досках кровли были и отверстия от сучков и иные зазоры, через которые вода могла просочиться внутрь. Однако на это обстоятельство, по свидетельству японских исследователей, внимания никто не обращал, поэтому с чердака можно было видеть во многих местах просвечивающее небо.

У большинства домов фронтон двускатной крыши закрывали. Особенно большое внимание на сооружение такой обшивки уделяли при строительстве новых домов. Были в поселке также дома со вторым уровнем крыши для защиты от дождя, но были и такие избы, у которых фронтон крыши совершено не был закрыт, поэтому на чердаке была видна печная труба. Фронтон, как правило, бросался в глаза с улицы, поэтому для его украшения использовались различные приемы.

Дождь чаще всего протекал через конек крыши, однако селяне не уделяли, по свидетельству японцев, этому обстоятельству большого внимания. Обычно коньковую балку устанавливали на соединенные стропильные ноги и, заколотив крышу досками, сверху просто прижимали другим слоем досок либо по обеим сторонам коньковой балки делали пропилы, в которые вставляли доски.

Если для жилых комнат собственно избы утепление делалось в области потолка и поэтому крыши делали простыми — лишь бы они закрывали дом от дождя, то в сенях, кладовках и амбарам для зерна потолков не было. Поэтому здесь крыши были сделаны более качественно. На крышу сеней и хозяйственных построек кровельные доски плотно укладывали или же настилали в один слой березовые дощечки, а затем сверху тщательно покрывали вдоль и поперек берестой, которую сверху прижимали либо кровельными досками, либо березовыми дощечками.

В области печной трубы крышу покрывали железным листом, но для этого нужно было делать пропил в кровельных досках крыши, и зачастую в этом месте не делали никакой защиты от дождя.

Очень редко можно было увидеть, что печная труба выше уровня крыши была сделана из кирпичей. Она начиналась примерно за два кирпича до уровня потолка, образуя мощную конструкцию, которая сверху тщательно обмазывалась глиной, а из крыши выводилась уже не кирпичная, а жестяная труба. Иногда вместо жестяной трубы использовали обыкновенный бидон от горючего.

Войти внутрь избы можно было из сеней через одностворчатую дверь в 70–80 см шириной, от 1 м 50 см до 1 м 80 см высотой. Вход обычно делали с северной стороны жилища. Порог делали высоким, он возвышался на 30 см. Утеплению входной двери перед наступлением зимы уделялось особенно пристальное внимание. На дверь для защиты жилья от холода с внешней стороны набивали толстое одеяло, пеньку или тростниковой циновку, а с внутренней — там, где дверь прилегала к косяку, — наматывали веревку или прибивали четвертину кола, расколотого вдоль.

Окна были обрамлены ставнями. Они предназначались для утепления и закрывались на ночь. Верхняя часть окон была нередко декорирована. Примечательно, что и в наши дни сохранились декорированные окна в старых казачьих домах современного Трехречья [Кляус 2011, 35].

Размеры окна достигали примерно 70–90 см в ширину и от 1 м до 1 м 30 см в высоту. Как правило, их было больше всего с южной и восточной сторон, а с северной стороны, где устроен выход, иногда окон не было. Рамы в окнах были чаще двойными, но были избы и с одинарными рамами. В жилищах с двойными рамами внешнее окно открывалось наружу, а внутреннее — вставное; только у некоторых хозяев имелись форточки. В зимний период окна тщательно обклеивались бумагой внутри и снаружи для защиты от ходов, причем зимой форточки тоже почти не открывались. Между рамами на зиму стелили вату или клали опилки и мох, а сверху украшали искусственными цветами, цветной бумагой, древесным углем и т. п. На лето внутреннюю вставную раму вынимали и помещение проветривали. Для защиты окна от холода с его внешней стороны имелись

две ставни толщиной примерно в 2 см, которые закрывались на ночь для предотвращения утечки тепла из избы. Такие окна со ставнями иногда были сделаны довольно грубо. Некоторые ничем не окрашивались, но многие были покрашены белой краской. Имелись также разнообразные резные украшения, которые, по мнению японцев, оживляли однообразный серый внешний вид зданий. В бедных домах ставень не было, вместо них навешивались циновки или пенька, которые днем подворачивали кверху и подвязывали бечевкой (рис. 65а).

Таковы основные особенности строительства и конструкции капитального жилища казаков Трехречья, увиденные японскими исследователями.

Что касалось примитивных жилищ — землянок, то о них японцы сообщили не много сведений. Однако они отметили, что землянка почти полностью уходила под землю и только с южной части было оставлено место для прохода и небольшого окна. Роль крыши играл толстый слой земли, защищавший от морозов. В небольшой по размерам землянке не было перегородок; каждый угол отводился под свои нужды; простым был и интерьер такого жилого помещения. Пространство, за исключением маленькой печки для хлеба и спального места, использовалось и для работы, и для приготовления пищи.

Немногим больше по размеру, чем землянка, были однокомнатные (однокамерные) капитальные жилища. Описывая интерьер такого жилого помещения, японцы сообщили, что основное место в избе занимала, по японской терминологии, «печь для приготовления хлеба» (так называемая русская печь. — Ю. А.), расположенная справа (или справа) от входа; рядом было место для инструментов; справа — кровать; по центру слева — кадки, корзина, справа — небольшая печь с плитой для быстрого приготовления (разогревания)

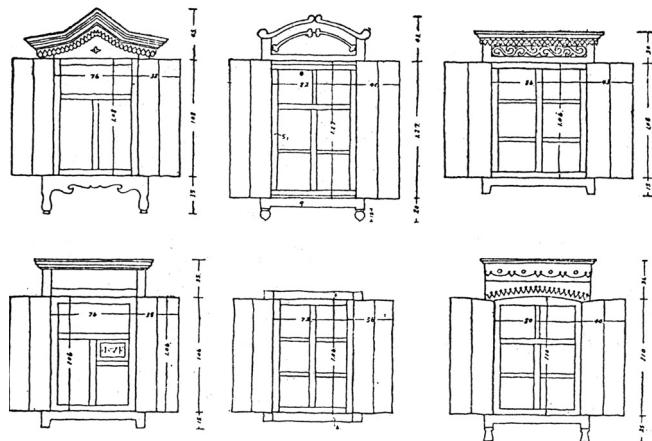

Рис. 65а. Типы ставен в п. Верх-Кули (Трехречье)

еды и дополнительного обогревания помещения; стол с инструментами под ним; в глубине слева направо — спальное место, сундук, стол, два стула. Обе печи сделаны из глины. Расположение «красного» угла выдерживалось традиционно — по диагонали от русской печи, устье которой было направлено на противоположные окна. На стенах — фотографии в рамках. За массивной дверью с северной стороны — земляной пол, находившийся на 40—50 см ниже уровня земли. Порог был посыпан смесью, препятствующей загрязнению пола. На северной стороне окон не было — это защита от проникновения холода. Для изоляции от холода везде, даже на подоконнике, помещали лошадиный навоз [Жилище и жизнь русских 1943, 47].

В более зажиточных казачьих домах к входной стороне дома пристраивали холодную кладовую и веранду, в иных жилищах — застекленную. В таких жилых помещениях пол был покрыт досками и лишь перед входом насыпали солому или укладывали набитый соломой конопляный мешок. В кладовой и на веранде хранили небольшие сельскохозяйственные и рабочие инструменты, соленья, мясо, хлеб и другие продукты. Прихожая находилась на веранде в северной части (рис. 104а, 103а).

Вот как описывали японцы интерьер такого дома³: «Планировка дома в жилой части: прихожая, гостиная, кухня, спаль-

³ Орфография и пунктуация японских текстов приведена без изменений.

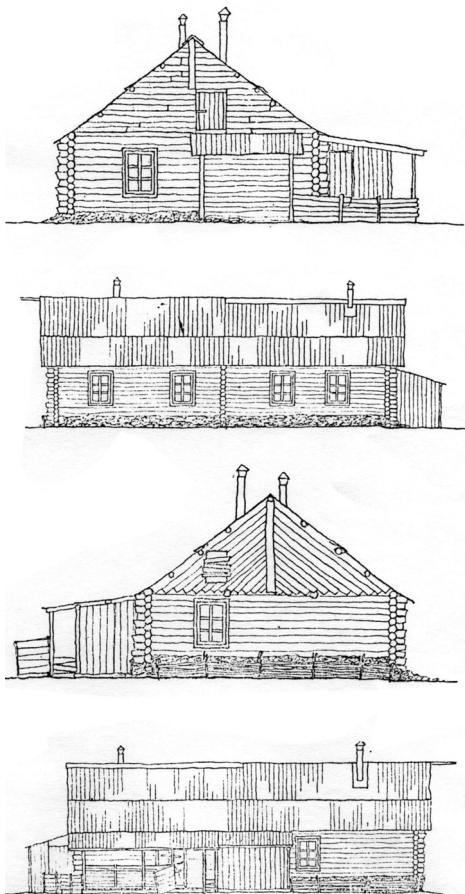
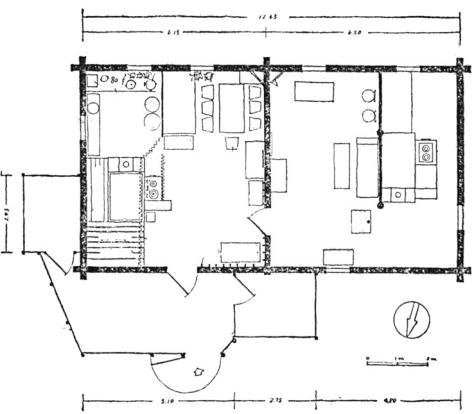

Рис. 104а. П. Верх-Кули (Трехречье). Двухкомнатный (двухкамерный) дом Г. М. Кармадонова. Сверху вниз: восточная сторона, южная сторона, западная сторона, северная сторона

Рис. 103а. П. Верх-Кули (Трехречье). Схема двухкомнатного (двухкамерного) дома Г. М. Кармадонова

ное место. Прихожая и гостиная разделены толстой стеной, в других случаях используются тонкие панели, кухня же отделена печкой для хлеба и занавеской. Прихожая выполняет также функцию столовой. Пол в крестьянском доме не бетонный, а покрытый досками, поэтому чтобы не налетала грязь с обуви, когда идет снег или дождь, вход покрывается соломой или кладется набитый соломой конопляный мешок.

Рядом с входом — кухня, где члены семьи и наемные работники едят не снимая рабочей одежды; это место используется также и для приема гостей, и для мелкой работы по дому. Есть и спальное место, сделанное без изысков, чтобы в полдень можно было отдохнуть прямо в рабочей одежде. На стене висит рабочая одежда, инструменты. В углу от входа расположен умывальник. Он закрыт занавеской, и сначала его не замечаешь. Он представляет собой стул, на котором стоит раковина, рядом стоят емкости с водой.

В углу стены напротив входа висят образы святых. Посетители, переступив порог, первым делом обращаются к этим образам, осеняя себя крестом. Члены семьи также до и после еды крестятся на эти образы.

В этом углу также стоит самодельный стол и стул.

Этот стол используется как для еды, так и для работы и приема гостей. Жители часто обедают за ним прямо в рабочей одежде» [Жилище и жизнь русских 1943, 52–53].

Прихожая отделялась от остальной жилой части печкой для выпечки хлеба (русской печью) и могла быть прикрыта деревянной панелью (дошатой перегородкой. — Ю. А.), но чаще — занавеской, которыми также разделялись комнаты. Печь занимала более половины пространства кухни. Обычно ее изготавливали из глины и только низ топки и устье были сделаны из кирпича. В нижней части печи делали углубление для хранения овощей, его могли использовать и для мелких домашних животных. Печи для приготовления хлеба располагались слева или справа от входа устьем к противоположным окнам, и в этом проявилась северно-среднерусская традиция.

Приведем описание действия русской печи: «Используют печь для хлеба следующим образом: в тонку аккуратно укладывают березовые дрова или коровий навоз, создавая пространство для лучшего горения. За два часа топливо полностью сгорает... На передней стороне печи для хлеба имеется небольшое углубление для спичек. Золу с прогоревших дров убирают сначала кочергой, а оставшуюся часть — лопатой. Лопату делают из дерева, поэтому от частого использования для уборки золы она чернеет от огня. Далее смачивают конец веника водой и убирают золу с кирпичной поверхности. Затем заквашенное тесто кладут лопатой в печь, начиная с дальнего края. Заслонку закрывают. Через два часа большие черные буханки хлеба готовы. В топке после приготовления хлеба сохраняется остаточное тепло, которое используют для приготовления супа или кипятка. Для кипячения воды используют горшок, называемый чугунка. Его зажимают ухватом и кладут в печку. Кроме вышеупомянутых вещей, при изготовлении хлеба применяется сковородник — приспособление для захвата сковороды, а всего так называемые “семь вещей” (кочерга, деревянная лопата, веник для очистки устья печи, ухват, сковородник, скалка, мутовка, поднос для заготовки теста для хлеба, чугунки и др. — Ю. А.), которые хранятся либо на печке для хлеба, либо возле нее» [Жилище и жизнь русских 1943, 54—55].

В таких домах непременно имелось подполье («погреб под полом»), глубиной 70—80 см. Оно могло представлять собой просто земляную яму или яму, обложенную досками. Сюда помещали преимущественно картофель, но хранили и другие овощи. В погребе не была предусмотрена система вентиляции, но в нижней части «русской печи» половицы не было и обмен воздуха с жилой частью избы осуществлялся свободно.

Противоположную часть кухни японцы именовали гостиной. Она располагалась обычно на южной стороне жилища. В отличие от кухни, гостиная была хорошо убрана и освещена солнечными лучами, попадавшими в помещение через окна на восточной и южной сторонах. Члены семьи в некоторых домах даже снимали обувь при входе в комнату. В зажиточных домах одежду на стены не вешали, ее располагали в шка-

фу. На стены могли помещать гармошку, балалайку и другие инструменты, создающие единое украшение. В углу направо от входа висела полка с самым ценным в доме образом (иконой). В этом углу стояли стол и стулья, здесь собирались члены семьи в конце трудового дня. На стенах висели большие зеркала и красиво оформленные под стеклом фотографии. В центре — портрет Николая Второго. Мебель, расположенная в гостиной: швейная машинка, сундук, шкаф для одежды, комод, кровать и другое — всё это было красиво декорировано и расставлено так, чтобы в центре было больше свободного места. На подоконниках было расставлено много цветов в горшках, уход за ними не прекращался ни на один день. Гостиная отапливалась стенной печкой на границе с прихожей. Это печь была покрашена в коричневый или зеленый цвет. Рядом с гостиной находилась узкая и длинная спальная комната, отделенная от гостиной стенной печкой и вертикальной перегородкой. В ней были определены места для стариков, родителей и детей. Спальня находилась на северной стороне, в ней не было окон и свет поступал из обычного единственного окна на восточной стороне, поэтому в комнате было очень тускло. Иногда и эту комнату делили, образуя маленькую спальню без окон [Жилище и жизнь русских 1943, 56—57]. В комнатах стены белили раствором белой извести, а в богатых домах их могли покрыть краской.

Полагаем, что и другие традиции в строительстве, утеплении и обустройстве жилого помещения были принесены казаками из Забайкалья и активно использовались в Трехречье.

Завершая краткий обзор исследований японскими учеными жилища одного из казачьих поселков Трехречья, отметим еще одну деталь, на которую они обратили внимание. Они полагали, что жилища русских в зимнее время практически не вентилировались и воздух в жилом помещении довольно спертый. «По ужасно душному и спретому воздуху, — пишут японцы, — сразу становится понятно, что помещение не вентилируется, и если подольше побывать в нем, то начнет ощущаться нехватка воздуха так, что даже голова начинает кружиться, однако местные жители совершенно не

обращают на это внимание. Форточка, находящаяся в окне, используется для того, чтобы выгнать дым из комнат, но зимой она практически не используется для проветривания. Это потому, что топки у одной-двух печек, имеющихся в доме, также осуществляют вентиляцию при их использовании, также значительная вентиляция осуществляется за счет дымохода духовки для хлеба. Проветривание осуществляется также за счет открывания двери и благодаря отверстиям в полу. Местные жители, совершенно не рассматривающие необходимость вентиляции, вообще даже не задумываются об этом» [Там же, 74–75].

Анализируя данные, приведенные в исследованиях японцами одного из казачьих поселков Северо-Восточного Китая, отметим, что казаки практически полностью перенесли из Забайкалья русские традиции в жилищном комплексе — этой важной части материальной культуры. Это касалось как способов строительства жилых помещений, так и их конструктивных особенностей и особенно интерьера с его традиционной русской печью. Некоторые различия наблюдались в материале, использовавшемся для возведения жилых и хозяйственных построек. Если в обильном лесом Забайкалье для возведения жилого комплекса применяли в основном хвойные породы деревьев, то в безлесной территории, в районе п. Верх-Кули, использовали лес лиственных пород, а для строительства различных хозяйственных построек — и другие подручные материалы: глину, ивовые прутья, солому, кору деревьев, в том числе бересту, которую, кстати, широко применяли и в Забайкалье. Именно использование подручных материалов свидетельствует об успешной адаптации материального быта забайкальских казаков к природно-географическим условиям принимающей страны.

Таким образом, даже на одном примере — исследовании жилого комплекса — части материальной культуры казаков Трехречья, можно увидеть, что трансляция традиционной русской культуры за пределы материнской территории проходила успешно. И на новом месте, в Трехречье, забайкальским казакам удалось создать новый тип региональной культуры россиян.

Мы только приступили к исследованию материальной культуры, в том числе жилого и усадебного комплексов, казаков Трехречья. Надеемся, что эта часть русской культуры будет исследоваться в дальнейшем не только зарубежными, но и российскими исследователями.

Литература

Аргудяева 2008 — Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008.

Аргудяева 2012 — Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: исторический ракурс и современные оценки. Мат. междунар. науч. конф. 22–27 ноября 2012 г. (г. Чита Забайкальского края РФ — г. Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР) / отв. ред. М. В. Константинов. Чита, 2012. С. 125–135.

Жилище и жизнь русских 1943 — Жилище и жизнь русских в Трехречье в Северной Маньчжурии. Токио, 1943 (Пер. Е. С. Пустовойт).

Игауз 2010 — Игауз Нахо. Японские исследования казацких сел в Хулун-буйре (Трехречье) в Маньчжоу-го // Мат. XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. ст. Владивосток, 2010. С. 81–93.

Кайгародов 1970 — Кайгародов А. М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

Кляус 2011 — Кляус В. Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трехречье (КНР) // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 32–43.

Накамура 1992 — Накамура Е. Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 247–252.

Традиционное жилище 1967 — Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в.. М., 1967.

Summary. The variety of traditional houses of the Russian Cossacks in the 1930s–1940s are considered. The author characterizes the constructing materials, ways of building, construction peculiarities, and main features interior of residential houses.

Key words: the Russians, Cossacks, the Three Rivers, traditional houses, interior.